

А.Д. Жакупова (Казахстан)

ОСОЗНАНИЕ ФИТОЛЕКСИКИ ПРЕДСТАВИТЕЛЯМИ РУССКОЙ И БОЛГАРСКОЙ ЯЗЫКОВЫХ КУЛЬТУР

Исследовательская программа когнитивной лингвистики, сформулированная Е.С.Кубряковой [Кубрякова 2004: 11], предусматривает решение множества проблем, в числе которых исследование феноменов языка и мышления в аспекте их взаимосвязи и взаимообусловленности. Связующим звеном в решении проблем языка и мышления выступает фактор языкового сознания (ЯС) личности, интерес к которому стимулировался формированием и разработкой идей антропоцентризма. ЯС в качестве самостоятельного объекта исследования выступает во многих областях лингвистического знания – в когнитологии, психолингвистике, лингвокультурологии, лингводидактике и др., приобретая тем самым разные трактовки в соответствии с конкретным научным проектом.

В исследованиях когнитивного направления на первый план выдвигается тезис об участии ЯС в процессах категоризации и концептуализации действительности (восприятие, интерпретация, осмысление), что переводит изучение традиционного аспекта «язык и мышление» в сферу «мышление на языке» (способность говорящего мыслить на данном языке), в которой в качестве активного, познающего субъекта выступает языковая личность, а объектом отражения является язык [Ростова 2000: 32]. При таком подходе ЯС можно рассматривать как «механизм регуляции человеческих отношений с миром посредством языка» и изучать в разных аспектах: в аспекте соотношения когнитивных и языковых структур при отображении в психике человека действительного мира, в аспекте оперирования языковыми структурами при организации речевой деятельности, в аспекте отображения в мозгу человека языка как элемента действительности и т.д. [там же: 34]. Все эти аспекты целесообразно решать на основе языковых данных, учитывая, прежде всего, возможности языковой рефлексии говорящего над речью (языком). «Любой носитель языка в той или иной мере осознает структуру своего языка, нормы и правила его употребления, особенности функционирования и т.д. Эта область осознания получает название ЯС» [там же: 33].

Область рефлексии (рационально-логического) ЯС, направленную на отражение языка-объекта как элемента действительного мира, А.Н.Ростова обозначает как метаязыковое сознание (МЯС), включающее не только сферу явного, вербализованного сознания, но и сферу скрытого осознания. МЯС вербализуется в результате рефлексии над языком, способствующей выявлению знаний, представлений, суждений о языке, элементах его структуры, их формальной и смысловой соотносительности [там же: 45]. МЯС, рассматриваемое как компонент ЯС, лингвисты всё чаще отождествляют с обыденным сознанием и изучают в рамках науки металингвистики или наивной лингвистики [Леонтьев 1997: 149; Алексеев, Панин 1999: 165; Петренко 2005: 165]. Отражение в МЯС семантики языка, место МЯС в структуре языковой личности, МЯС и его роль в организации текста, МЯС как часть национальной ментальности – эти и многие другие вопросы сегодня оказываются весьма актуальными и ждут своего разрешения в языкознании.

Рефлексивная деятельность говорящих, направленная на анализ языковых фактов, другими словами, метаязыковая деятельность «выводит на поверхность» особенности восприятия формы и значения знака, способствует выявлению ментальных ориентиров языкового сознания носителя языка, эксплицирует способность говорящего рассуждать о языке, объяснять его особенности. Изучая речевую деятельность ребенка, метаязык «детских инноваций», Т.А.Гридина приходит к выводу, что одной из основных ментальных доминант ЯС ребенка является мотивационная рефлексия, которая «высвечивает» когнитивные основания, лежащие в основе интерпретации содержания и формы языковых единиц, а также

«обнаруживает те креативные ходы, которые подсказаны ребенку собственно языковой техникой» [Гридина URL]. На наш взгляд, мотивационная рефлексия свойственна не только языковому сознанию ребенка, это – универсальное свойство метаязыкового мышления человека, обуславливающее направленность сознания на соотношение плана выражения и плана содержания языковых единиц, на объяснимость связи между звучанием и значением.

Само понятие «осознание», заимствованное из психологии, традиционно связывалось с осознанием действительности. «Способность высказывать суждения об увиденном и услышанном – это способность отделять, выделять и вновь связывать в уже расчлененном высшем единстве предмет и его свойства, отдельные объекты и отношения между ними, действие, его результат и т.д. Эта способность составляет характерную черту сознания человека как высшей формы отражения. Осознавать действительность – значит расчленять ее на элементы и устанавливать между ними определенные связи и отношения: сходства, тождества, различия, принадлежности, последовательности и т.д. и т.п. И чем больше взаимосвязанных элементов в объекте или ситуации может быть вычленено и вновь связано, тем выше уровень осознания действительности» [Чуприкова 1981: 23]. В современных антропоориентированных лингвистических исследованиях понятие «осознание» всё чаще и чаще можно встретить в связи с изучением вопросов когнитивной семантики [Кубрякова 2004], психосемантики [Петренко 1997], вербализации языкового сознания [Караулов 2005], ассоциативных реакций [Уфимцева, Тарасов 2003] и др. Принимая во внимание психологическую природу этого понятия, лингвисты трактуют его как «своего рода восприятие в знаковой форме» [Петренко 2005: 165], как «о-смысление знака» [Жаботинская 2003: 145]; «осознанно может быть то, что может быть передано, сообщено другому в плане внешней коммуникации или в акте автокоммуникации – т.е. самому себе» [Бахтин 1979: 21].

В настоящем исследовании с учетом идей, высказанных учеными, *осознание* понимается как актуальный для метаязыкового сознания процесс соотнесения языковых единиц друг с другом и с внеязыковой действительностью, основанный на мотивационно-ассоциативных связях и репрезентирующий то, *что* и *как* воспринял, понял и объяснил говорящий.

Именно этот подход, реализуемый в рамках когнитивной парадигмы научного знания, демонстрируют исследования, проводимые в русле идей сопоставительной мотивологии – науки, изучающей общность и специфику лексического явления мотивации слова в аспекте осознания его носителями разных языков [Блинова 1994; Жакупова 1996]. Исходя из понимания процесса мотивации (осознание мотивированности слова) как лингвопсихоментального процесса, обусловленного когнитивными реляциями сознания, сопоставительно-мотивологическое исследование апеллирует к ЯС говорящего путем проведения целенаправленного психолингвистического эксперимента (ПЛЭ) [Жакупова 2006: 273-275]. ПЛЭ позволяет выявить суждения информантов в виде метатекстовых высказываний (лексических реакций), которые представляют собой продукт (результат) процесса осознания человеком языковой действительности¹. Экспериментальная процедура, ориентированная на выявление осознания лексической семантики носителями языков, заключалась в создании таких условий для информантов, которые максимально эксплицируют их МЯС. В ходе эксперимента письменно (на родном языке испытуемых) было опрошено около 300 носителей языков от 15 до 65 лет, которым предлагались анкеты, содержащие вопрос, нацеливающий на рефлекссию над мотивированностью (лексической и структурной) слова, и образец подобной рефлексии: *«Как Вы думаете, почему именно так называется это растение? Что лежит в основе его названия? Например: **подорожник** – растение, которое встречается около дорог, растет вдоль дорог; **горицвет** – растение, у которого цветки ярко-оранжевого цвета, как бы горят»*.

Осознание мотивированности/немотивированности слова было эксплицировано в ответах-высказываниях в виде мотивирующих толкований (***ворсянка** – листья **ворсистые**; **гвоздика** – стебель, как **гвоздь**; **шпажник** – у этого растения листья очень острые, тонкие, как **шпага**; **лютик** – может, это **лютое** (ядовитое) растение*) или рефлексирующих

толкований, содержащих сомнение, неуверенность, догадку (*дудник – может быть, из стебля этого растения делают дудки, или стебель похож на дудку; жабрица – это растение как-то связано с жабрами, но как, не знаю*).

Как осуществляется действие мотивационного механизма, какая субстанция поддаётся осознанию, что именно актуализируется в ЯС говорящего? Если слово, предлагаемое для осмысления, носителю языка известно (т.е. он знает, что оно обозначает, сталкивался с обозначаемым этим словом объектом в действительности), то в его сознании возникает определённый образ (картинка), который он описывает, прибегая к известным ему языковым единицам. В случае с малопонятным словом информант, воспринимая его, в первую очередь, акцентирует своё внимание на внешней (звуковой) стороне слова, пытается «увидеть» в нём знакомые ему сегменты, затем воспроизводит («вытаскивает из памяти») существующие в его ментальном лексиконе языковые знаки, связывает их значение со значением данного слова (сегмента), и после этого соотносит звучание со смыслом, объясняет содержание слова (мотивизирует). Действие мотивационного механизма, по мнению Т.А.Гридиной, «базируется на “выведении” неизвестного через известное (или по апперцепции, по А.А.Потебне [Потебня 1976]), что применительно к детской речи выражается в попытках ребенка соединить звучание и/или смысл незнакомого слова с уже знакомым (в какой-то степени освоенным), иначе говоря, стремлении понять логику наименования, найти “ключ”, позволяющий вывести значение слова, опираясь на его звучание и структуру» [Гридина URL].

«Понять логику наименования» – значит объяснить рациональность связи звучания и значения слова, т.е. осознать (прояснить) внутреннюю форму слова. Следовательно, можно констатировать, что именно внутренняя форма слова поддаётся осознанию.

Внутренняя форма слова (ВФС) как научное понятие является одним из ведущих в лексической теории мотивации. Традиционный взгляд на природу ВФС связан с учением А.А.Потебни с его диахронным подходом и ономаσιологическим содержанием этого научного понятия, согласно которому ВФ соотносится только с корневой частью слова, а не с лексической единицей в целом [Потебня 1958: 78]. Собственно семасиологическая трактовка ВФС принадлежит В.В.Виноградову, давшему определение ВФС через понятие мотивированности языкового знака: «Мотивированность значений слов связана с пониманием их строя, с живым сознанием семантических отношений между словесными элементами языковой системы; ... различия между мотивированными и немотивированными словами обусловлены не только грамматическими, но и лексико-семантическими связями слов. Тут открывается область новых смысловых отношений в структуре слова, так называемых “внутренних форм слова”» [Виноградов 1947: 17]. Основное, на что обратил внимание В.В.Виноградов, это обусловленность ВФС мотивированностью лексической единицы, которая становится фактом языкового сознания говорящего. Развивая идеи ученого, лингвисты трактуют ВФС как материализованный в слове признак номинации [Гак 1966: 27; Мигирова 1977: 347; Фёдоров 1970: 139 и др.]. О.И.Блинова, принимая во внимание различные трактовки ВФС, приходит к мнению, что «по звуковой оболочке слова в её соотнесённости с лексическим значением мы судим не только об образе, о признаке, легшем в основу названия, но и о классификационном признаке наименования» и в подтверждение своей мысли приводит пример: «о признаке голубого цвета, определившем выбор мотивирующей единицы для обозначения ягоды голубики, мы узнаём по сегменту звуковой оболочки слова ГОЛУБ/ика/, о том же, что это название предмета, в данном случае ягоды, а не отвлеченное название цвета (голубизна), не название признака неполноты качества (голубоватый), не обозначение процесса становления признака (голубеть), мы узнаём по другому сегменту звуковой оболочки этого слова – по сегменту – ИКА» [Блинова 2007: 61]. Эта мысль служит доказательством двучастного характера ВФС (соотнесённость её как с корневой (мотивирующая часть ВФС), так и с аффиксальной (формантная часть морфемами). Именно она легла в основу мотивологического определения ВФС, данного О.И.Блиновой: «внутренняя форма – это морфо-семантическое свойство слова, позволяющее

объяснить связь его звучания и значения» [там же: 61], на которое мы опираемся в своём исследовании.

Из этого следует, что в ЯС говорящего актуализируется и мотивирующая («левая») и формантная («правая») часть слова, т.е. ВФС членится, в результате чего слово воспринимается носителем языка посегментно. Сегментный характер ВФС «служит основой для выделения мотивационной формы, которая находится в наложении с фонетической формой слова, и мотивационного значения ВФС, которое структурирует лексическое значение слова» [там же: 90]. Структуру ВФС можно представить в виде схемы:

Звуковая оболочка		ГОЛУБИКА
	Мотивационная форма	ГОЛУБ/ИКА
Внутренняя форма слова	<	‘голубая ягода’
Лексическое значение	Мотивационное значение	‘ягода кустарника гонобобеля’

ВФС состоит из двух компонентов: 1) мотивационной формы (МФ) – значимых сегментов (или сегмента) звуковой оболочки слова, обусловленных его мотивированностью, и 2) мотивационного значения (МЗ) – значения или синтеза значения мотивационной формы [Блинова 1985: 142]. Если оба компонента актуализуются в сознании носителя языка, слово квалифицируется как полностью мотивированное; если актуальным оказывается один из компонентов, то слово является частично мотивированным или полумотивированным (лексически или структурно).

Результаты сопоставительно-мотивологического исследования ВФС, проведенного на материале наименований растений русского и болгарского языков, представлены в настоящей статье.

Для экспериментальной проверки осознания мотивированности слова носителями русского и болгарского языков была избрана тематическая группа наименований растений, которая представляет собой достаточно объемный пласт номенклатурной лексики. Для осмысления информантам-носителям русского языка было предложено 330 наименований растений, информантам-носителям болгарского языка – 350 наименований растений, соотнесённых исследователем с латинским международным номенклатурным наименованием (например, [*Erodium* L’Herit.] – рус. **аистник** – болг. **часовниче**).

При осмыслении слова **аистник** носители русского языка дали следующие показания МЯС: «внешне напоминает аиста» (28)², «им питается аист» (23), «как-то связано с аистом, а как, не знаю» (18), «растет там, где обитают аисты» (16), «расцветает, когда прилетают аисты» (9), «плоды – как клюв аиста» (6). Показания МЯС носителей болгарского языка выглядят так: **часовниче** – «предполагаю, что цветчетата му се разтварят на разсъмване като по часовник, в едно и също време» (34), «приличащо на часовник по форма или функции» (13), «растение, което има цвят като часовник» (9), «приемано като билка, регулира нещо в човешкия организъм като по часовник» (8), «не зная» (36). Несмотря на то, что большинство носителей обоих языков были не знакомы с данным растением (это выяснилось в ходе эксперимента), показания МЯС свидетельствуют о действии мотивационного механизма, обусловленного рефлексивной функцией ЯС, т.е. процесс осознания активизирует мотивационную рефлексивную функцию говорящего, которая помогает соединить знание о мире и знание о языке.

На основе полученных в ходе эксперимента ответов-метавысказываний, данных информантами, проводится анализ ВФС. Представим ВФ данных слов схематично (описание структуры ВФС сопровождается указанием на лексический мотиватор (ЛМ) и структурный мотиватор (СМ)):

аистник

- ВФС₁ < МФ: АИСТ/НИК
МЗ: 'растение, <которое внешне напоминает> аиста'
ЛМ₁: *аист*
СМ₁: поповНИК, гроздовНИК
- ВФС₂ < МФ: АИСТ/НИК
МЗ: 'растение, <которым питаются> аисты'
ЛМ₂: ЛМ₁
СМ₂: СМ₁
- ВФС₃ < МФ: АИСТ/НИК
МЗ: 'растение, <как-то связанное с> аистом'
ЛМ₃: ЛМ₁
СМ₃: СМ₁
- ВФС₄ < МФ: АИСТ/НИК
МЗ: 'растение, <которое растет там, где обитают> аисты'
ЛМ₄: ЛМ₁
СМ₄: СМ₁
- ВФС₅ < МФ: АИСТ/НИК
МЗ: 'растение, <расцветающее во время прилета> аиста'
ЛМ₅: ЛМ₁
СМ₅: СМ₁
- ВФС₆ < МФ: АИСТ/НИК
МЗ: 'растение, <плоды которого напоминают клюв> аиста'
ЛМ₆: ЛМ₁
СМ₆: СМ₁

часовниче

- ВФС₁ < МФ: ЧАСОВ/НИЧЕ
МЗ: 'растение, <цветки которого раскрываются в одно и то же время, как> часы'
ЛМ₁: *часовник* – часы
СМ₁: безсмъртНИЧЕ, живеНИЧЕ
- ВФС₂ < МФ: ЧАСОВ/НИЧЕ
МЗ: 'растение, <по форме?функции? напоминающее> часы'
ЛМ₂: ЛМ₁
СМ₂: СМ₁
- ВФС₃ < МФ: ЧАСОВ/НИЧЕ
МЗ: 'растение, <цвет которого как> часы'
ЛМ₃: ЛМ₁
СМ₃: СМ₁

ВФС₄ < МФ: ЧАСОВ/НИЧЕ
МЗ: 'растение, <которое что-то регулирует в организме, будто> часы'
ЛМ₄: ЛМ₁
СМ₄: СМ₁

Как видно из показаний МЯС, данное наименование растения во всех языках является полностью мотивированным (доля ответов, эксплицирующих мотивированность слова, составила в русском языке – 100 %, в болгарском – 64 %), МФ находится в отношении наложения (полностью совпадает) со звуковой оболочкой слова. В обоих языках МФ является двусегментной (состоит из двух частей: АИСТ/НИК; ЧАСОВ/НИЧЕ). Необходимо заметить, что болгарский фитоним характеризуется наложением фрагмента формантной части (-НИЧ-) на фрагмент мотивирующей части (ЧАСОВНИК). Именно таким образом носители языков «прочитывают» ВФ слова, осознают его мотивированность.

Показания МЯС позволяют заметить, что у некоторых носителей языка «прочтение» ВФС вызывает трудности (в русском языке – ВФС₃, в болгарском – ВФС_{2, 4}). В этом случае ЯС информанта направлено на поиск единства плана содержания и плана выражения, т.е. рефлексия по поводу непонятого слова влечёт за собой стремление говорящего найти созвучные слова в своем лексиконе, результатом чего являются возникающие в его сознании ассоциации. Поскольку показания МЯС – «это результат мыслительного акта...» [Налимов 1991: 25], то метавысказывание выглядит как своего рода рассуждение (интерпретация) говорящего и включает различные вводные слова (в РЯ – «возможно», «может», «скорее всего», «наверное», «вероятно», в БЯ – «взможно», «може би», «сигурно», «вероятно», «предполагам», «мисля»). В русском языке, в отличие от болгарского, часто встречаются неопределённые местоимения («как-то», «что-то», «где-то»), содержащие сомнение, неуверенность, догадку, предположение, и формирующие, по словам Т.А.Кадола, «внутреннюю конфликтность» [Кадола 2008: 245] метавысказывания: рус. *мордовник* – «растение, как-то связанное с *мордой*, но как, не знаю», *нитчатка* – «у него, наверное, веточки тонкие, длинные, как *нити*»; болг. *мъдрица* – «сигурно листата му изглеждат набръчкани и стари като мъдри», *белило* – «растение, което вероятно се използва за избелване (като козметично средство)», «взможно е в миналото момите да са използвали това растение като маска за избелване, тъй като кожата им е почернявала от полската работа на слънце» и т.д. Показания МЯС носителей РЯ содержит 40 % такого типа метавысказываний, БЯ – 25 %. Определённую долю составляют так называемые альтернативные метавысказывания, когда носитель языка «предлагает» два или три варианта «толкования» значения слова: рус. *морозник* – «может, цветёт в холодное время года, когда *мороз*, а может, у него цветы белые, напоминающие о *морозе*», *недотрога* – «у цветка настолько тонкий стебель, что, если его тронуть, он упадет, лучше его не *трогать*, а может быть, этот цветок вообще нельзя *трогать*, или он такой колючий, что до него лучше не *дотрагиваться*». В числе показаний МЯС носителей болгарского языка альтернативные метавысказывания встречаются реже. В основном имеют место однозначные толкования. Возможно, это связано с тем, что большинство (70 %) болгарских фитонимов имеют прозрачную ВФС, которая в редких случаях вызывает варианты дефинирования (*алтънче, бисерка, весларка, гнездица, иглица*). Количество альтернативных метавысказываний в русском и болгарском языках составляет примерно 45 % и 20 %.

Как свидетельствуют результаты ПЛЭ, МЗ и МФ как компоненты ВФС – это категории, присущие МЯС говорящего или говорящих на данном языке, которые проявляются в речи/языке и находят свое отражение в текстах/метатекстах.

Являясь способом реализации в слове мотивированности, ВФ выполняет различные функции в языковой системе. В зависимости от того, какую функцию (гносеологическую, репрезентативную, эволютивную, эстетическую) выполняет ВФС в языковой системе, различают следующие её виды: вариантная/ невариантная, лексикализованная/

нелексикализованная, метафорическая/ неметафорическая [подробнее о функциях ВФС см. Жакупова 2002: 55-62; Блинова 2007: 129-157].

Вариантная/ невариантная внутренняя форма мотивированных наименований растений

Основанием для варьирования ВФС можно считать возникающие в ЯС говорящего коллектива ассоциации, обусловленные наличием множества признаков данного явления (предмета). ВФС по-разному осознается носителями языка, в результате чего «полимотивация слова... приводит к разной сегментации мотивационной формы и разному наполнению мотивационного значения» [Блинова 1984: 120]. В приведённом выше примере *аистник-часовниче* ВФС является вариантной. Если ВФС по-разному сегментируется информантами, то она носит вариативный характер (ВОСК/ов/НИЦА, ВОСКОВ/НИЦА). Мотивационные ассоциации у носителей языка могут быть различными в зависимости от того, какой сегмент актуализируется в его сознании и как его интерпретирует говорящий. Мотивационные ассоциации носят предельно индивидуальный характер и влияют на видоизменение не только МФ, но и МЗ (БЕЛозор – ‘растение белого <цвета>’, белоЗОР – ‘растение, <от которого глаза становятся> зоркими’). Если носители языка одинаково воспринимают слово, то МФ и МЗ оказываются неизменными, следовательно, ВФС носит невариантный характер. Например, рус. фитоним *гребенник* большинство носителей языка воспринимают одинаково – «*листья растения похожи на гребень*» (100), его болгарский эквивалент *ракиговица* также характеризуется невариантной ВФС, свидетельством чему являются показания МЯС: «*расте сред ракита*» (100).

Анализ результатов ПЛЭ на предмет выявления осознания фитолексики носителями русского и болгарского языков позволил разделить все наименования растений на две группы: с вариантной ВФ и невариантной ВФ.

В русском языке вариантная (вариативная) ВФ характерна для следующих слов: *аистник, безвременник, белена, белоголовник, бессмертник, блошница, борщевик, василистник, вербейник, верблюдка, вероника, ветреница, водокрас* и т.д. (всего 77 % от общего числа). В болгарском языке вариантной (вариативной) ВФ характеризуются слова: *часовниче, зимзелен, попадийка, боровинка, ранилист, метличина, обичниче, ленивче, ношница, кандилка, ведрица, урока, ресник* и т.д. (всего 80 %). Невариантная ВФС в русском языке наблюдается у слов: *бархатник, белокопытник, белокрыльник, белоус, василёк, вика, вейник, вечерница* и т.д. (23 %); в болгарском языке – *мразовец, блян, девесил, ралица, великденче, гърличе, пресечка, лугачка* и т.д. (20 %).

Мотивационно-сопоставительный анализ (МСА) фитолексики русского и болгарского языков показал, что ВФ эквивалентных лексических единиц (ЭЛЕ) может совпадать по виду, а может различаться. В зависимости от этого выделяем 4 группы соотносительных пар:

а) вариантная ВФС – вариантная ВФС³

<i>Вербейник</i>		<i>Ленивче</i>	
Показания МЯС: « <i>может, лепестки цветка похожи на сережки вербы?</i> » (24); « <i>как-то связано с вербой, а как, не знаю</i> » (17); « <i>не знаю</i> » (59)		Показания МЯС: « <i>расте бавно, лениво</i> » (52); « <i>предполагам, че много дълго, лениво му се разтварят цветчетата</i> » (18); « <i>като билка предизвиква отпуснатост, вялост, леност</i> » (11); « <i>не зная</i> » (19)	
41/59		81/19	
ВФС ₁	< МФ: ВЕРБейНИК МЗ: 'растение, <лепестки которого похожи на сережки> вербы'	ВФС ₁	< МФ: ЛЕНИВ/ЧЕ МЗ: 'растение, <которое долго растёт, как бы> ленивое'
ЛМ ₁ : <i>верба</i>		ЛМ ₁ : <i>ленив</i> – ленивый	
СМ ₁ : бархатНИК, подорожНИК, безвременНИК		СМ ₁ : гърлиЧЕ, еньовЧЕ, жълтурЧЕ	

<p>ВФС₂ < МФ: ВЕРБейНИК МЗ: 'растение <как-то (?) связано с> вербой'</p> <p>ЛМ₂: ЛМ₁ СМ₂: СМ₁</p>	<p>ВФС₂ < МФ: ЛЕНИВ/ЧЕ МЗ: 'растение, <которое долго, как бы> лениво распускается>'</p> <p>ЛМ₂: ЛМ₁ СМ₂: СМ₁</p>
	<p>ВФС₃ < МФ: ЛЕНИВ/ЧЕ МЗ: 'растение, <после употребления которого появляется> лень'</p> <p>ЛМ₃: <i>леност</i> – лень СМ₃: СМ₁</p>

К этой группе относятся также следующие пары: *воронец – ресник, голубок – кандилка, горец – гъшеница, гулявник – мьдрица, дубовик – огненка, дымянка – росопас, журавельник – здравец* и мн. др. Это самая многочисленная группа ЭЛЕ, она составляет 42% от общего числа пар.

б) *вариантная ВФС – невариантная ВФС*

<i>Жабник</i>	<i>Жълтурче</i>
<p>«им питаются жабы» (38); «растёт там, где водятся жабы» (32); «может, им лечат жабу (грудную)?» (30) 100/0</p> <p>ВФС₁ < МФ: ЖАБ/НИК МЗ: 'растение, <которым питаются> жабы'</p> <p>ЛМ₁: <i>жаба</i> СМ₁: дудНИК, донНИК</p>	<p>«растение, което има жълт цвят» (100) 100/0</p> <p>ВФС < МФ: ЖЪЛТ/ур/ЧЕ МЗ: 'растение жёлтого<цвета>'</p> <p>ЛМ: <i>жълт</i> – жёлтый СМ: милодинЧЕ, сапунЧЕ</p>
<p>ВФС₂ < МФ: ЖАБ/НИК МЗ: 'растение, <которое растет там, где много> жаб'</p> <p>ЛМ₂: ЛМ₁ СМ₂: СМ₁</p>	
<p>ВФС₃ < МФ: ЖАБ/НИК МЗ: 'растение, <которым лечат (?)> жабу <грудную>'</p> <p>ЛМ₃: <i>жаба (грудная)</i> СМ₃: СМ₁</p>	

Болгарский фитоним имеет одно МЗ, следовательно, ВФ квалифицируется как невариантная. При восприятии соответствующего русского наименования растения в ЯС говорящих на русском языке людей возникает несколько ассоциаций, что ведет к появлению нескольких МЗ, формирующих комплекс частных МЗ (ЧМЗ). Общее МЗ (ОМЗ) данного слова – 'растение, <связанное с> жабой'. Слово имеет три ЧМЗ: 1) 'растение, <которым питаются> жабы', 2) 'растение, <которое растет там, где много> жаб', 3) 'растение, <которым лечат грудную> жабу'.

Приведем еще примеры, иллюстрирующие названный тип соотносительных ЛЕ: *безвременник – мразовец, белена – блян, бородач – садина, борщевик – девесил, волчец –*

пресечка, ворсянка – лугачка, вьюнок – поветица, ежевика – къпина и др. Количество их составило 30 %.

в) *невариантная ВФС – вариантная ВФС*

<i>Камнеломка</i>		<i>Обичник</i>	
«оно растет среди камней, в трещинах, как бы ломает камни» (100)		«цветчетата приличат на малки висяци сърчица, което е символ на обич» (57);	
100/0		«приличат на обици, които висят на ушите на жената» (35);	
ВФС	< МФ: КАМНЕЛОМ/КА МЗ: 'растение, <которое как бы> ломает камни'	ВФС ₁	< МФ: ОБИЧ/НИК МЗ: 'растение, <похожее на сердечки – символ > любви'
ЛМ: <i>камень, ломать</i>		ЛМ ₁ : <i>обич – любовь</i>	
СМ: <i>красавКА, кровохлёбКА</i>		СМ ₁ : <i>сладНИК, напръстНИК</i>	
		ВФС ₂	МФ: ОБИЧ/НИК МЗ: 'растение, <похожее на> сережки'
		ЛМ ₂ : <i>обица – серьга</i>	
		СМ ₂ : СМ ₁	

По сравнению с двумя предыдущими эта группа немногочисленна (12 %). К ней относятся следующие соотносительные пары: *барвинок – зимзелен, василек – метличина, головчатка – звездоглавка, костер – овсига, лисохвост – класица, первоцвет – иглица* и др.

В составе групп б) и в) встречаются пары, характеризующиеся отношением пересечения МЗ, т.е. одно из МЗ фитонима с вариантной ВФ соответствует (пересекается) МЗ фитонима с невариантной ВФ: рус. *пузырчатка* (МЗ: 'растение, <цветки которого как> пузыри' – болг. *мехурка* (МЗ₁: 'растение, <которое напоминает> пузырь', МЗ₂: 'растение, <цветки которого как> пузыри', МЗ₃: 'растение, <на котором образуются> пузыри', МЗ₄: 'растение, <плоды которого как> пузырчатые <стручки>'). Сопоставляя ВФ данных фитонимов, замечаем, что МЗ русского наименования растения пересекается с МЗ₂ болгарского фитонима. Комплекс МЗ, выявленных в процессе осознания фитолексики носителями болгарского языка, создаёт наглядный образ (полноценную картинку), представление о предмете (растении), что подчёркивает гносеологическую роль ВФС.

г) *невариантная ВФС – невариантная ВФС*. Данный тип соотносительных ЛЕ характерен для слов, толкование которых носителями языка осуществляется в достаточной мере однозначно, т.к. для ВФ этих слов характерна прозрачность, ясность, очевидность. «Прозрачная внутренняя форма слова обеспечивает ему смысловую определённость, т.е., иначе говоря, позволяет включить слово в определённый парадигматический ряд» [Шмелёв 1973: 361]. Например, *бархатник – щир, волчегодник – гърличе, горицвет – слетикоса, горькуша – млечница, клоповник – горуха, манник – росица, стрелолист – стрелолист* и т.д. (всего 23 % от общего числа пар).

В итоге МСА вариантных/ невариантных ВФ отмечаем, что русский и болгарский языки характеризуются приблизительно одинаковым количеством слов с вариантной ВФ (77% и 80%). Варьирование ВФС не зависит от варьирования самой ЛЕ и происходит при условии возникновения множественных ассоциаций в ЯС носителей языка. ЧМЗ, выявленные на материале одного языка, способствуют созданию более целостного представления о предмете, формируют определённый объём знаний. Сопоставительный

анализ ВФС с точки зрения ее вариантного/ невариантного характера дополняет знания об объекте, расширяя тем самым объем когнитивного понятия.

Лексикализованная/ нелексикализованная внутренняя форма мотивированных наименований растений

Результаты ПЛЭ показывают, что носители языка в ряде случаев узнают, вычленяют сегменты ВФС, но не могут объяснить взаимообусловленность его звучания и значения, дать толкование с опорой на компоненты, ставшие фактом их ЯС. Например, при осознании русского фитонима *ласковец* носители языка выделяют сегмент *ласков-* (ласковый) или *ласк-* (ласкаться, ласка), однако установить мотивационную связь со словом затрудняются: «*может быть, это ласковый цветок?*» (38), «*возможно, качается на ветру, как бы ласкается*» (30), «*как-то связано с лаской, а как, не знаю*». В болгарском языке этому наименованию растения соответствует фитоним *гърбица*, который осознается носителями языка следующим образом: «*може би стъблото му е приведено и прилича на гърбина?*». Как видим, компонент *гърб-* вычленяется, но не может быть объяснен с точностью. В таком случае речь идет о лексикализации ВФС, т.е. об утрате способности слова к актуализации мотивационных отношений (лексических или структурных). Если ПЛЭ обнаруживает осознание как лексической, так и структурной мотивированности, то слово характеризуется нелексикализованной ВФ.

Лексикализованная ВФС, по показаниям МЯС говорящих, отмечается в следующих словах: рус. *буквица, вяжечка, дрёма, жабрица, живокость, ластовень, маргаритка, лунник, морозник* и др. (всего 18 %), болг. *кандилка, пресечка, ресник, къпина, глухарче, незабравка* (15 %) и др. Как правило, если в одном языке слово имеет лексикализованную ВФ, то его эквивалент в другом языке характеризуется либо нелексикализованной ВФ, либо является полумотивированным, либо эквивалент вообще отсутствует. Так, русские фитонимы *коровяк, верблюдка, свинчатка, купена*, ВФ которых лексикализовалась, не имеют своих эквивалентов в болгарском языке.

В результате МСА были выявлены следующие типы соотношения ЛЕ с лексикализованной и нелексикализованной ВФС:

а) *лексикализованная ВФС – лексикализованная ВФС*: *гулявник* (МЗ₁: 'растение, <как-то (?) связано с> гулянием', МЗ₂: 'растение, <может (?), как бы> гуляет') – *мъдрица* (МЗ: 'растение, <листья к-рого, может быть (?), выглядят старыми, как будто> мудрые'), *кровохлёбка* (МЗ: 'растение, <к-рое как-то (?) связано со словами> хлебать <и> кровь' – *динка* (МЗ: 'растение, <может быть, (?) цвета> арбуза'), *наперстянка* (МЗ: 'растение, <к-рое как-то (?) связано с> наперстком') – *напърстник* (МЗ₁: 'растение, <у к-рого цветы, может, (?) похожи на> наперсток', МЗ₂: 'растение, <как-то (?) связанное с> пальцем'). К этой же группе относятся пары: *норичник – живениче, окопник – зарасличе, росянка – росянка* и др. (всего 5 % пар от общего числа сопоставляемых эквивалентов).

б) *лексикализованная ВФС – нелексикализованная ВФС*: *буквица* (МЗ: 'растение, <как-то (?) связанное с > буквой') – *ранилист* (МЗ: 'растение, листья <к-рого используют при лечении> ран'), *вербейник* (МЗ: 'растение, <к-рое как-то (?) связано с> вербой') – *ленивче* (МЗ: 'растение, <к-рое долго растёт, как бы> ленивое'), *живокость* (МЗ: 'растение, <как-то связанное с> живой костью') – *ралица* (МЗ: '<растение красивое, как имя> Ралица'), *маргаритка* (МЗ: 'растение, <как-то связанное с> Маргаритой') – *паричка* (МЗ: 'растение, <похожее на> монетку'). Сюда же относятся пары: *лунник – лопатка, манник – росица, марьянник – гайтанка, морозник – кукуряк, нитчатка – жабуняк* (всего 15 %).

в) *нелексикализованная ВФС – лексикализованная ВФС*: *водосбор* (МЗ: '<растение, к-рое> собирает воду') – *кандилка* (МЗ: 'растение <по форме, может, (?) похоже на> лампаду'), *волчец* (МЗ: 'растение, <к-рое едят> волки) – *пресечка* (МЗ: 'растение, <к-рое, может быть, (?) растёт на> перекрёстке'), *воронец* (МЗ₁: 'растение вороного <цвета>', МЗ₂: 'растение, <к-рое едят> вороны') – *ресник* (МЗ: 'растение, <лепестки к-рого, может быть (?), похожи на>

бахрому <ковра>'). В эту группу входят также: *горец – гъиеница, грыжник – белило, дубовик – огневка, ежевика – къпина, одуванчик – глухарче* и др. (всего 12 %).

г) *нелексикализованная ВФС – нелексикализованная ВФС*. Это самая многочисленная группа слов (45 %), при восприятии которых вычлененные сегменты ВФ осознаются носителями языка как взаимообусловленные: *ворсянка – лугачка, вьюнок – поветица, щавель – киселец, шпорник – ралица* и др.

Сопоставительно-мотивологическое исследование предполагает анализ причин лексикализации ВФС в том или ином языке. Общими для всех языков причинами могут быть изменения обозначаемого денотата, связанные с его реальными признаками, свойствами, особенностями; незнание или забвение легенд, примет, поверий, традиций; утрата национальных, культурных, религиозных, бытовых традиций [Блинова 2007: 246]. Е.В.Михалёва называет ещё ряд причин лексикализации ВФС, таких как неактуальность, малоинформативность, случайность мотивировочного признака, утрата словом образности, десемантизация аффикса и др. [Михалёва 1994: 13]. Только показания МЯС говорящих на разных языках людей помогут выяснить национальные особенности тенденции к произвольности языкового знака и обнаружить специфические причины действия процесса лексикализации.

Метафорическая/ неметафорическая внутренняя форма слова мотивированных наименований растений

Метафорической ВФ характеризуются слова, МЗ которых отражает отношение подобия (сходства, аналогии), например *шпажник* – 'растение <с листьями, похожими на> шпагу'. Метафорическая ВФС, свойственная образным словами, реализует двуплановость семантики и выражает представление о называемом явлении действительности в ассоциативной связи с другим явлением [Юрина 2005: 30-33]. Количество метатекстов, актуализирующих образное значение фитонимов, составило 35 % и 42 % в русском и болгарском языках соответственно. Так, наименование растения *лисохвост – класица* носители языков осознают следующим образом: рус. «*листья растения длинные и пушистые, как хвост лисы*» (100), болг. «*прилича на житен клас*» (48), «*може би прави семена като житен клас*» (22), «*класно цвете*» (17), «*растение с множество класове със специфична форма*» (13). Как видно из показаний МЯС, одно и то же растение воспринимается носителями сопоставляемых языков образно, но образы в ЯС – разные: в ЯС носителей русского языка возникают ассоциации по сходству листьев с хвостом лисицы, а в ЯС болгар пушистые листья данного растения ассоциируются с колосом (колосьями). По словам О.И.Блиновой, «...именно во внутренней форме слова реализована ассоциативность человеческого мышления, образное восприятие» [Блинова 1984: 102].

Корпус метатекстов даёт основания для МСА семантики образных единиц с точки зрения осознания носителями языка соотношения денотативного и ассоциативно-образного планов значения, для выяснения причин переосмысления денотативного содержания образного слова, для выявления случаев деметафоризации ВФС и т.д.

МСА наименований растений русского и болгарского языков позволил выделить несколько групп соотносительных ЛЕ:

а) *метафорическая ВФС – метафорическая ВФС*: *горицвет* (МЗ: 'растение, цветы <к-рого как бы> горят') – *слетикоса* (МЗ: 'растение, <напоминающее> косу'), *звездчатка* (МЗ₁: 'растение, <цветы к-рого похожи на> звезды', МЗ₂: 'растение, <листья к-рого похожи на лучи> звезды') – *звездица* (МЗ₁: 'растение <цвета> звезды', МЗ₂: 'растение, <похожее на> звезду', МЗ₃: 'растение, <цветки к-рого маленькие и жёлтые, как> звезды'), *камнеломка* (МЗ: 'растение, <к-рое как бы> ломает камни') – *обичник* (МЗ: 'растение, <похожее на сердечки – символ> любви'). Это довольно многочисленная группа эквивалентных ЛЕ: *лисохвост – класица, лунник – лопатка, нитчатка – жабуняк, хохлатка – лисичина, шпорник – ралица, шпажник – ребрика* и др. (всего 28%).

б) *метафорическая ВФС – неметафорическая ВФС*: **бородач** (МЗ₁: '<растение, у которого как бы> борода', МЗ₂: 'растение <как> бородач') – **садина** (МЗ: 'растение, <к-рое> сажают <в саду>'), **борщевик** (МЗ: 'растение <цвета> борща') – **девесил** (МЗ: 'растение, <к-рое даёт человеку> девять сил'), **вероника** (МЗ: '<красивое> растение, <как имя> Вероника') – **великденче** (МЗ: 'растение, <к-рое цветёт на> Пасху'), **дымянка** (МЗ: 'растение, <от которого летит пыльца, как> дым') – **росопас** (МЗ: '<растение, к-рое как бы> собирает росу'), а также **костёр – овсига, сабельник – очеболец, чесночник – лъжичина, иглица – залист, подсолнечник – слънчоглед** и др. (всего 16 %).

в) *неметафорическая ВФС – метафорическая ВФС*: **водосбор** (МЗ: '<растение, к-рое> собирает воду') – **ведрица** (МЗ₁: 'растение, <похожее на> ведро', МЗ₂: 'растение <цвета> ясного <неба>'), **голубок** (МЗ₁: 'голубое растение', МЗ₂: 'растение, <к-рым питаются> голуби') – **кандилка** (МЗ: 'растение <с цветами в форме> колокольчика'), **дубовик** (МЗ₁: 'растение, <к-рое растёт около> дуба', МЗ₂: 'растение <в> дубовых <лесах>') – **огневка** (МЗ₁: 'растение <с> огненными, <как пламя цветками>', МЗ₂: 'растение огненного <цвета>'), а также **заразиха – китка, лютик – лапчатка, острец – пирей, первоцвет – иглица, солянка – вълмо, мытник – пропаднице, василёк – метличина** и др. (всего 8 %).

г) *неметафорическая ВФС – неметафорическая ВФС*: **безвременник – мразовец, белена – блян, вечерница – нощница, волчегодник – гърличе, вьюнок – поветица** и мн. др.

Известно, что человек воспринимает мир через взаимоотношение с ним, сквозь призму своего «я»; «...соизмеримость универсума с понятными для человеческого восприятия образами и символами» [Телия 1988: 177] реализуется в лингвистике при помощи принципа антропометричности, наиболее отчётливо проявляющегося на уровне семантики образных ЛЕ. МСА фитолексики разных языков позволяет выявить многообразие образов, антропометричных по своей природе, и тем самым обнаружить общие и специфические особенности восприятия лексики флоры представителями разных лингвокультурных сообществ.

Представители всех народов достаточно трепетно и с большим вниманием относятся к миру флоры, ведь растения не только украшают землю, они выполняют целительскую функцию, полезны и питательны, а в большинстве наименований растений запечатлен либо сам человек, либо то, что его окружает. Так, фитонимы русского языка в сознании его носителей часто связываются с предметами домашнего обихода: **ремнецветник** – «растение, длинные и плотные листья которого напоминают ремень», **наперстянка** – «растение, у которого головка похожа на напёрсток», **мыльнянка** – «растение, сок которого напоминает мыльную воду», «это растение можно использовать вместо мыла», **манжетка** – «листья этого растения в виде манжеты», **иглица** – «стебель его острый и тонкий, как игла», **звездика** – «растение, стебель которого напоминает звездь», **зубянка** – «листья растения похожи на зубы человека» и т.д. (всего 35 %). В показаниях МЯС носителей болгарского языка отражено отношение к растению как к живому существу, способному лениться (**ленивче** – «расте бавно, лениво», «предполагам, че много дълго, лениво му се разтварят цветчетата», «като билка предизвиква отпуснатост, вялост, леност»), любить (**обичниче** – «цветчетата приличат на малки висящи сърчица, което е символ на обич»), обманывать (**лъжичина**), быть мудрым (**мъдрица** – «сигурно листата му изглеждат набръчкани и стари като мъдри», «многогодишно растение като мъдри»), злым (**злина**) (всего 30 %). Все эти примеры подтверждают мысль Е.А.Юриной о том, что «свойство образности изначально присуще не самим фактам действительности, а их восприятию и интерпретации языковым сознанием» [Юрина 1994: 9].

В лексических единицах, в первую очередь в мотивированных, отражены разные стороны жизнедеятельности человека. Знания о мире, о том или ином объекте, закрепленные в мотивированных языковых знаках, складываются за счет комплекса ассоциаций, возникающих в ЯС индивида. Именно они составляют основу ВФС, степень осознания которой зависит от языковой способности человека говорить и понимать увиденное/услышанное, от умения воспроизводить и использовать языковые знания, т.е. от степени

владения языком, поскольку «подавляющая масса знаний приходит к человеку через освоенные знания, т.е. через язык» [Кубрякова 2004: 11]. Существует множество факторов, влияющих на восприятие человеком языковой действительности. Это и жизненный (чувственный и рациональный) опыт человека, и осуществление им предметно-познавательной и практической деятельности, это и элементарные ощущения о мире и людях, это и участие его в процессах научно-теоретического познания мира, его уровень образованности, эрудиции, его социальные характеристики и мн. др. Общность и специфика восприятия филолексемы зависит и от национальных особенностей культуры, истории, традиций, обычаев народа-носителя языка.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Автор статьи на протяжении десяти лет проводит ПЛЭ с носителями славянских (русский, болгарский, польский) и тюркских (казахский, татарский) языков и на сегодняшний день имеет более 15 000 показаний МЯС носителей языков на 1500 мотивированных фитонимов (примерно 100 ответных реакций на каждое слово).
2. После метатекста в скобках указывается количество ответов, данных информантами.
3. Данное обозначение следует понимать так: вариантная ВФ русского фитонима соответствует вариантной ВФ фитонима болгарского языка.

ЛИТЕРАТУРА

- Алексеев, Панин 1999 – *Алексеев П.В., Панин А.В.* Философия: Учебник. М.: Проект, 1999.
- Бахтин 1979 – *Бахтин М.М.* Эстетика словесного творчества. М.: Наука, 1979.
- Блинова 1984 – *Блинова О.И.* Явление мотивации слов: Лексикологический аспект. Учеб. пособие. Томск: Изд-во Томского университета, 1984.
- Блинова 1985 – *Блинова О.И.* Мотивационная форма и мотивационное значение // Межвуз. науч. конф. «Деривация и история языка»: Тезисы докладов. Пермь, 1985.
- Блинова 1994 – *Блинова О.И.* Сопоставительная мотивология // Вопросы слово- и формообразования в индоевропейских языках: Семантика и функционирование. Часть 1. Томск: Изд-во Томского университета, 1994.
- Блинова 2007 – *Блинова О.И.* Мотивология и её аспекты. Томск, 2007.
- Гак 1966 – *Гак В.Г.* Беседы о французском слове: Из сравнительной лексикологии французского и русского языка. М., 1966.
- Виноградов 1947 – *Виноградов В.В.* Русский язык: Грамматическое учение о слове. М.-Л., 1947.
- Гридина URL – *Гридина Т.А.* Мотивационная рефлексия как вид метаязыковой деятельности ребенка. [Электронный ресурс] // Институт лингвистических исследований РАН: [сайт]. СПб., 2002 – <http://www.iling.spb.ru/grammatikon/child/grid.html?language=en> (30.01.08).
- Жаботинская 2003 – *Жаботинская С.А.* Теории номинации: когнитивный ракурс // Вестник МГЛУ. Вып. 478. М.: Моск. гос. лингв. ун-т, 2003.
- Жакупова 1996 – *Жакупова А.Д.* Принципы мотивологического исследования и его аспекты (на материале наименований птиц): Дисс. ... канд. филол. наук. Томск, 1996.
- Жакупова 2002 – *Жакупова А.Д.* Особенности внутренней формы слова в русском и польском языках // Вестник Кокшетауского университета, № 1-2. Кокшетау, 2002.
- Жакупова 2006 – *Жакупова А.Д.* Когнитивный аспект сопоставительной мотивологии (на материале славянских и тюркских наименований птиц) // Тезисы докладов Второй Международной конференции по когнитивной науке. Т. 1. СПб., 2006.
- Кадоло 2008 – *Кадоло Т.А.* Метаязыковая деятельность при восприятии названий городских объектов // Обыденное метаязыковое сознание и наивная лингвистика: Межвузовский сборник научных статей / Отв. ред. А.Н.Ростова. Кемерово – Барнаул: Изд-во

- Алтайского университета, 2008.
- Караулов 2005 – *Караулов Ю.Н.* «Осознавание» как процесс фиксации простейших единиц знания в языковом сознании носителя языка-культуры // *Общение. Языковое сознание. Межкультурная коммуникация. Сб. статей / Ин-т яз-ния РАН. Калуга, 2005.*
- Кубрякова 2004 – *Кубрякова Е.С.* Язык и знание. М.: Языки славянской культуры, 2004.
- Леонтьев 1997 – *Леонтьев А.А.* Основы психолингвистики. М.: Смысл, 1997.
- Мигирова 1977 – *Мигирова Н.И.* Внутренняя форма как важнейший узел системных связей в языке: На материале способов представления статусов лица в номенклатурной сфере языка. Кишинёв, 1977.
- Михалёва 1994 – *Михалёва Е.В.* Явление лексикализации внутренней формы слова: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Томск, 1994.
- Налимов 1991 – *Налимов В.В.* Рациональное в иррациональном // *Человек, 1991, № 4.*
- Петренко 1997 – *Петренко В.Ф.* Основы психосемантики. М.: Изд-во МГУ, 1997.
- Петренко 2005 – *Петренко В.Ф.* К проблеме построения образа мира: психосемантический аспект // *Общение. Языковое сознание. Межкультурная коммуникация. Сб. статей / Ин-т яз-ния РАН. Калуга, 2005.*
- Потебня 1958 – *Потебня А.А.* Из записок по русской грамматике. Т. 1. М., 1958.
- Потебня 1976 – *Потебня А.А.* Эстетика и поэтика. М.: Наука, 1976.
- Ростова 2000 – *Ростова А.Н.* Метатекст как форма экспликации метаязыкового сознания (на материале говоров Сибири). Томск: Изд-во Томского университета, 2000.
- Телия 1988 – *Телия В.Н.* Метафоризация и её роль в создании языковой картины мира // *Роль человеческого фактора в языке (Язык и картина мира).* М.: Наука, 1988.
- Уфимцева, Тарасов 2003 – *Уфимцева Н.В., Тарасов Е.Ф.* и др. Славянски ассоциативен речник. София: Изд-во Софийского ун-та, 2003.
- Фёдоров 1970 – *Фёдоров А.И.* Роль внутренней формы в лексико-фразеологических синонимических отношениях в русском языке // *Исследования по лексикологии и словообразованию.* Красноярск, 1970.
- Чуприкова 1981 – *Чуприкова Н.И.* Сознание как высшая расчлененная и системно-упорядоченная форма отражения и его мозговые механизмы // *Психологический журнал, 1981. Т. 2, № 6.*
- Шмелёв 1973 – *Шмелёв Д.Н.* Проблемы семантического анализа лексики: на материале русского языка. М.: Наука, 1973.
- Юрина 1994 – *Юрина Е.А.* Образность как категории лексикологии. Дис. ... канд. филол. наук. Томск, 1994.
- Юрина 2005 – *Юрина Е.А.* Образный строй языка. Томск, 2005.